

Н. А.
ПОЛЕВОЙ

Николай Алексеевич Полевой

Северные Цветы на 1828 год

«На нынѣшній годъ въ изданіи сего Альманаха, вмѣстѣ съ Барономъ А. А. Дельвигомъ, участвуетъ О. М. Сомовъ. Благодаримъ Гг. Издателей, что они не только поддержали славу Сѣверныхъ Цвѣтовъ, но по отдѣленію поэзіи, кажется, усовершенствовали ихъ строгою разборчивостью. Начнемъ съ сего отдѣленія...»

**Николай Алексеевич
Полевой**

***Северные Цветы на 1828
годъ***

***Слб. въ Тип. Деп. Нар. Просв.
in 16, III, 314 и 107 стран***

На нынѣшній годъ въ изданіи сего Альманаха, вмѣстѣ съ Барономъ А. А. Дельвигомъ, участвуетъ О. М. Сомовъ. Благодаримъ Гг. Издателей, что они не только поддержали славу Сѣверныхъ Цвѣтовъ, но по отдѣленію поэзіи, кажется, усовершенствовали ихъ строгою разборчивостью. Начнемъ съ сего отдѣленія.

Изъ пятидесяти стихотвореній, составляющихъ отдѣлъ поэзіи, первую пьесою по предмету, гдѣ вдохновенная поэзія сливается съ философическою идеею, и по выраженію поэтическому, кажется намъ: *Послѣдняя смерть*, отрывокъ изъ поэмы Баратынскаго. Другая пьеса не меньшаго достоинства: *Ангель*, соч. А. С. Пушкина. Небольшая, мило рассказанная Пушкинымъ, *быль не быль*, *однакожь и не сказка*. *Графъ Нулинъ* и Отрывокъ изъ трагедіи: *Борисъ Годуновъ*; Отрывокъ изъ поэмы Баратынскаго: *Бальный вечеръ* и стихи Кн. Вяземскаго: *Море*: вотъ, по нашему мнѣнію, прекраснѣйшіе изъ новыхъ цвѣтовъ Русской Поэзіи. Присовокупите къ этому:

Элегію Пушкина, Элегію Башюшкова, Вечерній звонъ, Козлова, нѣсколько стихотвореній Барона Дельвига и Илличевскаго, двѣ пьесы Подолинскаго, двѣ пьесы неизвѣстныхъ поэтовъ (*Падающія Звѣзды и Черепъ*), и вы согласитесь, что такое изящное собраніе стихотвореній и не на почвѣ Русской Словесности должно бы заслужить благодарное вниманіе публики. Кромѣ того найдете въ Сѣв. Цвѣтахъ стихи Гг. Гнѣдича, Крылова, Языкова, Ѳ. Н. Глинки, Вердеревскаго, Туманскаго, Ободовскаго, В. В. Измайлова, Григорьева, Зайцевскаго. Что сказать о сочиненіяхъ всѣхъ сихъ Поэтовъ? Что не все написанное наскоро, и можетъ быть совсѣмъ не для публики (даже и такими поэтами, каковы Н. И. Гнѣдичъ и И. А. Крыловъ), можетъ быть превосходно и должно быть хвалимо. Другимъ поэтамъ, нами наименованнымъ, можно замѣтить ихъ однообразіе, которое проявляясь всегда въ однихъ образахъ и звукахъ, можетъ, не то что наскучить, а по крайней мѣрѣ освободить читателей отъ живыхъ впечатлѣній. Не смѣемъ повторять здѣсь найденнаго нами на 208 стр. перваго отдѣленія

Сѣв. Цвѣтовъ, что «однообразность въ писателѣ доказываетъ односторонность ума, хоть можетъ быть и глубокомысленнаго.» Но какъ-же не замѣтить слѣдующаго: переводы Горація по Французской рамкѣ, Г-на Вердеревскаго; летанье куда-то, потребность чего-то и наборъ существительныхъ именъ и изысканныхъ странныхъ словъ въ *Русскихъ разсказахъ* Ѳ. Н. Глинки; отреченіе отъ славы, жалобы на уединеніе, на безвѣстность, сравненіе съ лампадами, съ свѣчами, etc. etc. Г-на Плетнева; однозвучныя подражанія библейскимъ пѣснопѣніямъ Г-на Ободовскаго, подражанія, въ коихъ не видно слѣда сильныхъ, пламенныхъ подлинниковъ; прозаическія напоминанія о Нѣмецкихъ Профессорахъ, восклицанія о винѣ, табакѣ, пуншѣ, студенческихъ бесѣдахъ, стараніе выискать новый оборотъ для старой мысли, Г-на Языкова; грусть, тоска, отчаянная безнадежность въ элегіяхъ Г-на Туманскаго, все это, положимъ, высказанное въ самыхъ гладкихъ стихахъ, но вѣчно одно и то же, приговорится и прислушается!

Проза Сѣв. Цвѣтовъ обогащена Отрывкомъ

изъ *Гайдамака*, романа, сочиняемаго, или уже сочиненнаго, Г-мъ Байскимъ (не смѣемъ открыть литературной тайны о настоящемъ имени сочинителя). Живой разсказъ и картины съ природы и быта Малороссійскаго ярки и блестящи. Просимъ Г-на Байскаго поскорѣе издать *Гайдамака* вполнѣ. Въ повѣсти *Θ. В. Булгарина (Паденіе Вендена)* отличію хорошо отдѣланы сцены, гдѣ является Іоаннъ Грозный. Мы съ любопытствомъ прочитали еще *Отрывки изъ писемъ, мысли и замѣчанія*, и угадали имя Автора. Тутъ много остроумнаго, много глубокомысленнаго, но есть и парадоксы (на прим. то «Французская Словесность родилась въ передней и далѣе гостиной не доходила; что есть безсмыслица отъ огромности ума» и проч). Думаемъ, что Сочинитель нарочно перемѣшалъ дѣло съ бездѣльемъ, чтобы заставить читателей угадывать; что пишеть онъ шутя и что не шутя.

Мы окончимъ замѣчанія наши нѣсколькими словами о статьѣ, которою начинаются Сѣв. Цвѣты: это *Обзоръ Россійской Словесности за 1827 годъ*, *О. М. Сомова*. Намъ показалось страннымъ утвержденіе Автора,

что несоразмѣрность Русской Литтературы съ другими не такъ велика, какъ думаютъ вообще и говорятъ многіе: беремся доказать ему, что вся Русская Литтература, сначала ея, до нынѣ, не сравнится съ тѣмъ, что въ Англіи, или въ Германіи и даже во Франціи, на которую теперь въ модѣ нападать, является въ десять лѣтъ. Жалуясь на пристрастіе Русскихъ къ иноземному и полагая это одною изъ главныхъ причинъ слабости нашей литтературы, Авторъ долженъ былъ перевернуть вопросъ и на другую сторону: не отъ слабости-ли отечественной литтературы и происходитъ это пристрастіе? Не споримъ съ Авторомъ о сужденіяхъ и приговорахъ его отдѣльно книгамъ и журналамъ и позволяемъ себѣ только замѣтить, что онъ былъ слишкомъ жестокъ въ приговорѣ Телеграфу. Онъ осуждаетъ его за *необработанный, нехорошій слогъ и немѣренность въ сужденіяхъ*. И безъ того уже довольно достается Телеграфу и въ водевиляхъ и въ Дамскомъ Журналѣ, и въ сатирахъ и эпиграммахъ, которыя *десятками* ходятъ въ народъ! О слогъ не споримъ. Издатель не все самъ пишетъ: многіе изъ Русскихъ Лит-

тераторовъ удостоивали Телеграфъ помѣщеніемъ своихъ сочиненій, переводовъ и разборовъ. Возьмемъ для примѣра прошлый 1827 годъ: кажется, едва-ли въ какомъ-нибудь другомъ Журналѣ было столько почетныхъ именъ литтературныхъ: И. И. Дмитріевъ, В. А. Жуковскій, Кн. П. А. Вяземскій, Е. А. Баратынскій, К. Н. Батюшковъ, И. И. Давыдовъ, А. Я. Булгаковъ и многіе другіе извѣстные особы помѣщали въ Телеграфъ свои статьи: на чей-же счетъ падаетъ упрекъ въ нехорошемъ слогѣ? Но, впрочемъ, Издатель Телеграфа снимаетъ на себя упрекъ Г-на Сомова, признается, что онъ пишетъ, какъ умѣетъ и какъ успѣваетъ; но за то проситъ Г-на Сомова избавить Телеграфъ отъ упрека въ *неумѣренныхъ сужденіяхъ и рѣзкихъ приговорахъ*. Нѣтъ! ни одинъ (смѣло говорю!), ни одинъ изъ Русскихъ Журналистовъ не привѣтствуетъ съ такимъ доброхотствомъ всего, что является изящное и хорошее въ Русской Литтературѣ. Телеграфъ сильно вооружается противъ неизящнаго и бесполезнаго: это правда; но пусть сообразитъ Г-нъ Сомовъ статьи критическія, на примѣръ, въ Мос-

ковскомъ Вѣстникѣ, или – за чѣмъ далеко ходить! – свои собственныя критическія замѣчанія въ Сѣверной Пчелѣ, и – только тогда, да вержетъ онъ критическій камень осужденія въ мирнаго и *кроткаго* своего журнальнаго собрата!

Н. П.

«Московскій Телеграфъ», No 1, 1828